

DOI: 10.15643/libartrus-2017.5.4

Правовые и политические институты с позиции аналитической философии

© Н. Н. Равочкин

Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт
Россия, 650056 г. Кемерово, улица Марковцева, 5.

Email: nickravochkin@mail.ru

Статья посвящена осмыслению правовых и политических институтов с позиции аналитической философской традиции. Автором предпринята попытка определения возможности описания политических институтов через введенные в рассматриваемой традиции правовые понятия. Такое видение решения проблемы оправдано тем, что аналитическая философия руководствуется логическим анализом сущности предмета изучения, указывающим на взаимосвязь и взаимозависимость правовых и политических институтов, которые не могут восприниматься сегодня в изолированности друг от друга. Через обращение к классикам традиции определено, что в аналитической философии проблемное поле сущности правовой и политической реальности заключено в прикладном использовании юридических актов. Выявлено, что посредством аналитического метода возможно выделить подлинное содержание права и политики. В результате автор приходит к выводу, что необходим анализ языка, имеющего контекстуальное отношение к реальности, поскольку через инструментальное отношение к языковой реальности и становится возможным ее расширенное и преодолевающее противоречия понимание.

Ключевые слова: правовые институты, политические институты, аналитическая философия, право, язык, понятия, политика, институт.

Аналитическая философия главным образом занимается осмыслением правовой проблематики. Основным вопросом или, иначе говоря, проблемой для большинства философов, обращающихся к данной традиции, является проблема понимания права, а также стремление дать наиболее общее определение самого феномена права, «в котором учитывалось бы все многообразие конкретных правовых ситуаций и были обозначены границы правовой сферы» [1, с. 150]. Кроме того, в аналитической философской традиции, оригинальным образом трактующей сущность права, существует серьезная проблема, которая и становится предметом для исследования многих мыслителей, в частности, Г. Харта и Г. Кельзена [8]. Смысл в том, что в аналитической философской право-ориентированной традиции считается, что критерием истинности и «юридической справедливости» является адекватное подведение правового акта под общее правило или описание его с помощью общих терминов. Суть проблемы заключается в том, что в ходе такой операции по подведению правового акта под общее правило с употреблением общих терминов возникает необходимость так называемой операции «верификации правовых суждений». Под верификацией юридических актов и суждений понимается проверка их истинности. Она заключается не в том, чтобы проверить на практике применимость и работоспособность того или иного конкретного юридического акта. То есть не сформировать эмпирическое подтверждение данными опыта и редукцию как сведение к

«предложениям наблюдения». Верификация юридического акта и, как следствие, формирование определенного института именно как этого института в аналитической философии до Г. Харта состояла в том, чтобы сопоставить данный юридический акт с нормами действующего законодательства [1].

По большому счету, в ходе решения поставленной проблемы реализуется так называемая «когерентная» концепция истины. Как известно, ее суть заключается в следующем: знание является истинным только в том случае, если оно согласовано с общей системой знаний. Речь здесь идет о том, что любое знание может быть истинным. Только истинность такого знания состоит в логической совместимости тезисов, которые являются элементами целого знания. Существующая система критики когерентной теории истины, представители которой говорят о том, что истинное знание, полученное таким путем, зачастую может быть оторванным от реальности. В частности, так размышляет и современный отечественный философ права А. Б. Дидикин: «правоприменение, однако, искажало установленное значение правовой нормы, что вносило момент «неопределенности» в толкование и концептуальное прояснение действительного функционирования и взаимодействия «права» и «закона»» [1, с. 150].

Фактически это означает, что проблемным полем для подхода к сущности правовой и политической реальности в аналитической философии оказывается прикладное использование юридических актов, возможность несоответствия правовой реальности действительности (что, собственно, и не предполагается в данной философской традиции). Вопрос о специфическом подходе к сущности правовых и политических институтов в рамках аналитической философии традиционно связывается с идеей о модификации и трансформации юридико-методологического позитивизма, представителем которого можно считать Г. Кельзена, а также с модификациями юридического аналитического догматизма Г. Харта и юридической лингвистикой [5].

Другим основанием формирования подхода аналитической философии к сущности политических и правовых институтов связывается исследователями с традицией, идущей от Т. Гоббса и И. Бентама. Рассвет этой традиции связывается с идеями британского правоведа Дж. Остина и его последователями. Исследователями утверждается, что в эту эпоху развития философско-правовой мысли ощущается существенное влияние позитивистской философии на процесс «дифференциации политико-правовых знаний о закономерностях функционирования правовой действительности, которое было обусловлено, по мнению авторов, действием «внешних» и «внутренних» факторов» [5, с. 81]. Под внешними факторами проявления позитивистской правовой традиции понимается динамика развития социально-исторического развития европейских государств. Сюда относятся и либерализация политических режимов, и развитие идей конституционализма. Под внутренними факторами, солидаризуясь с В. В. Оглезневым, следует понимать «необходимость обособления юридической сферы в самостоятельную область научного знания и общественной практики, создания специальных юридических методов, которые могли хотя бы внешним образом обеспечить «автономию» правового мышления и самостоятельность юридического сообщества» [5, с. 82].

Кроме того, необходимо отметить существование еще одной причины, в соответствии с которой складывается современное понимание правовых и политических институтов в рамках аналитической философии. Дело в том, что юридический анализ, прежде всего, правовой реальности предполагает формально-логическое истолкование правовой и юридической нормы. Норма как таковая, являясь социальным феноменом, приобретает нормативный эмпирический характер. В. В. Оглезнев указывает, что по этой причине право интерпретируется «как совокупность правовых норм, предусмотренных действующим законодательством и со-

держащих властные предписания, исполнение которых обеспечивается мерами государственного принуждения» [5, с. 82]. Отсюда делаем вывод, что сущность аналитического подхода к пониманию (в данном случае – норм права) заключается в том, чтобы в процессе истолкования и анализа норм права выделить так называемые «догмы права», т.е. подлинное содержание нормы права.

Впоследствии, с учетом применения функционирующих концепций и методологии первого позитивизма, такой методологический подход стремится к выявлению сущности правовых норм и функционирования политических институтов при помощи аналитического подхода к предмету исследования. При этом такой подход противостоит идеям социологического позитивизма с его попытками применения методов социологии к анализу реальных правовых отношений и функционированию правовых институтов. В результате мы имеем дело с достаточно четко сформированной методологией изучения правовых и политических институтов, предполагающей, в первую очередь, логический анализ сущности предмета своего изучения, т.е. политических и правовых институтов социума. Сущностное изучение вопроса об аналитическом философском подходе к правовым и политическим институтам следует начать с изучения основных положений аналитической философии Дж. Остина. После этого мы укажем специфику приложения такого подхода к юридической действительности в рамках концепции Г. Харта.

Дж. Остин (при понимании сущности аналитического подхода к языковой реальности) указывает на тот факт, что дескриптивные (т.е. описательные) заблуждения достаточно серьезным и негативным образом влияют на философию языка. Это происходит в связи с тем, что сам язык как предмет лингвистической философии интерпретируется исключительно с описательной точки зрения. Для Дж. Остина принципиально важно, что «задача анализа – прежде всего, точно указать на конкретные множества различных способов обыденного употребления языка, которые в определенных ситуациях с очевидностью не могут быть верифицированы или фальсифицированы» [4, с. 148]. В данном случае подразумевается, что любой речевой акт реализуется в совершенно определенных смыслах. Перед нами как исследователями (скорее, как реципиентами, воспринимающими направленный на нас речевой акт) встает конкретная задача. Ее суть в том, чтобы не столько анализировать языковые формы этого речевого акта (заниматься дескрипцией – описанием форм и способов реализации данного речевого акта), сколько стремиться к пониманию смысла определенного речевого акта в конкретной ситуации.

Причем Дж. Остин указывает на необходимость проведения такого анализа не столько в научных конструкциях и системах, сколько в обыденных условиях. Причиной тому можно считать тот факт, что в обыденной речевой реальности мы проводим куда больше времени, нежели в реальности научной. Отсюда и закономерность актуализации данного действия определяется практической, т.е. прикладной активностью воспринимающего субъекта. При этом Дж. Остин не отрицает дескриптивную составляющую языковой реальности, но указывает на должное существенное значение перформативной характеристики языка. В этом смысле следует отметить, что в английском языке имеют место три значения термина «игра»:

1. как система правил («game»);
2. как действие («play»);
3. как представление («performance»).

На практике это означает, что именно представление, а конкретно – социальное представление, имеет для него принципиальное значение. Отсюда Дж. Остин делает вывод, что мы

должны задумываться о том, «что мы должны говорить, когда и соответственно что мы должны иметь при этом в виду, а также, собственно, почему нам нужен некий метод, который способен пролить свет на интересующие нас проблемы при строгом, тщательном ему следовании» [4, с. 148–149].

Идея метода постижения смысла высказывания является важным пунктом любого коммуникативного действия, в т. ч. и процесса понимания того или иного высказывания или текста, предлагаемого нам в социальной реальности в системе социальных контактов ежедневно. По этому поводу Дж. Остин пишет: «во-первых, слова суть инструменты, которые мы используем; эти инструменты должны быть, по крайней мере, достаточно чистыми, т.е. мы должны знать, что мы имеем в виду и что нет, мы должны быть достаточно вооружены для того, чтобы не попадаться в те ловушки, которые расставляет нам язык. Во-вторых, слова (кроме как в их собственном маленьком углу) не суть факты или предметы. Поэтому мы должны отнять их у мира, придержать их в стороне от него и разместить их против него, дабы получить возможность осознать всю присущую им неадекватность и двусмысленность и взглянуть на мир без помех. В-третьих, и это более ясно, общий для всех нас мир слов воплощает собой совокупность всех тех различий, которые человек находит нужным проводить, а также связи, которые он находит нужным отмечать и накапливать с течением многих сменяющихся одно другое поколений» [7, с. 202].

Из приведенной цитаты можно сделать несколько выводов. В частности, им предпринята попытка преодоления проблемы самой аналитической философии, которую мы обозначили выше. Так, он не стремится анализировать язык как совокупность не относящихся к реальности слов. Он понимает, что любое слово, если мы хотим быть правильно понятыми и понимать, о чем действительно идет речь в конкретной ситуации, должно встраиваться в контекст определенной реальности. Именно это позволяет создавать и реализовывать некоторые четко понимаемые смыслы, которые мы можем и должны транслировать в любой социальной интеракции. В том числе и в области интеракции юридической и политической, предметным полем которой является политическое и юридическое взаимодействие социальных и юридических субъектов.

При этом следует отметить, что под языком в данном случае понимается термин существенно более широкий, нежели в исконном смысле. Речь идет о знаковой системе вообще, а не только подчиняющейся множеству принятых правил словарной системе. Речь идет и о множестве средств передачи информации, в т.ч. и о языке жестов, действий и т.д. Дж. Остин утверждает, что слова являются инструментами, которые используются для передачи информации. Именно по причине инструментального отношения к языковой реальности и становится возможным ее расширенное понимание. При этом, по Дж. Остину, мы должны использовать только те инструменты, которые предоставлены в наше распоряжение. По этой причине для него проблематично использование правил для достижения поставленных целей [6].

Опираясь на его идеи, Г. Харт, принадлежащий к той же традиции, предполагает, что юридические понятия обладают тем же самым перформативным характером, как и все остальные [2]. Имеющееся в юридическом языке противоречие между дескриптивными и аскриптивными понятиями, как между понятиями, описывающими и предписывающими, возникает проблема, связанная с тем, что «философский анализ понятия «человеческое действие» является неадекватным и вводящим в заблуждение» [4, с. 151]. Причина видится в несопоставимости значений дескриптивности и аскриптивности одного и того же понятия и, как следствие – суждения, состоящего из тех или иных понятий.

Возникающая трудность, связанная с разграничением дескриптивных и аскриптивных юридических понятий, решается через утверждение, согласно которому «мы должны сместить наше логическое внимание с общего на частное и сконцентрироваться не на значении, не на условиях истинности, не на логических отношениях суждений, а на обстоятельствах частного употребления и на том, что может быть названо способом утверждения предложения в частном случае» [9, с. 135]. Из этого следует, что решением поставленной проблемы будет утверждение, согласно которому истинность и содержание юридических понятий должно описываться с помощью определенного контекста, в котором данные понятия использовались и применялись.

Таким образом, аналитическая философия в своем стремлении понять сущность правовой реальности на современном этапе своего развития предполагает необходимость введения в область понимания самой правовой реальности контекстуальной информации. Именно последняя и становится основанием для формирования критерия значения истинности или ложности, а также понимания, какое перед нами высказывание – дескриптивное (описывающее) или аскриптивное (предписывающее). Это позволяет эффективно понимать содержание и логическое значение применяемого на практике понятия. Кроме того, это позволяет формировать определенный тип действий любого члена общества, вступающего в нормативные (не только правовые, но еще и этические) отношения в социальной реальности. Следует отметить, что в современной аналитической философии этот же принцип реализуется в понимании политических институтов [3]. Политический институт также может быть описан в системе дескриптивных и аскриптивных понятий. Это предполагает определенное взаимодействие между любыми политическими институтами, причем эффективное взаимодействие между ними возможно только в результате контекстуального взаимного понимания различных политических субъектов.

Литература

1. Дидикин А. Б. Формирование аналитической традиции в современной философии права // *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2010. Т. 4. №1. С. 149–165.
2. Касаткин С. Н. Проблемы спецификации юридического языка в учении Герберта Харта 1949 года // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2017. №37. С. 46–56.
3. Макаренко В. П. Политическая концептология: первые итоги разработки // *Полис. Политические исследования*. 2009. №6. С. 149–167.
4. Оглезнев В. В. Дж. Л. Остин и Г. Л. А. Харт о совершении действий при помощи слов // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2012. №2. С. 147–153.
5. Оглезнев В. В. Истоки современной аналитической философии права // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2009. №4. С. 81–88.
6. Оглезнев В. В. Отменяемость и юридический язык: в защиту Г. Л. А. Харта // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2014. №2. С. 161–169.
7. Остин Д. *Три способа пролить чернила: философские работы*. СПб.: Алетея, 2006. 335 с.
8. Павлов А. В. Аналитическая политическая философия? // *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. 2010. №2. С. 175–184.
9. Харт Г. Л. А. Сказка логика // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2009. №4. С. 123–135.

Поступила в редакцию 21.09.2017 г.

После доработки – 05.10.2017 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2017.5.4

Legal and political institutions from the perspective of analytical philosophy

© N. N. Ravochkin

*Kemerovo State Agricultural Institute
5 Markovtsev Street, 650056 Kemerovo, Russia.*

Email: nickravochkin@mail.ru

The article devoted to legal and political institutions comprehension from analytical philosophical tradition standpoint. The author of the article made an attempt to define political institutions through the concepts introduced in the considered legal tradition. This vision of problem solution is justified by the fact that analytical philosophy is guided by the logical analysis of the essence of the subject, indicating interconnection and interdependence of legal and political institutions that cannot be perceived today in isolation from each other. Through an appeal to the classics of tradition, it is determined that in analytical philosophy, the problematic field of the essence of legal and political reality is concluded in application of legal acts. It is revealed that by means of an analytical method, it is possible to single out the real content of right and policy. As a result, the author comes to the conclusion that it is necessary to analyze language that has contextual relevance to reality because cognition through an instrumental relationship to linguistic reality makes it possible to gain its expanded understanding and overcome contradictions.

Keywords: legal institutions, political institutions, analytical philosophy, law, language, concepts, politics, institute.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ravochkin N. N. Legal and political institutions from the perspective of analytical philosophy // *Liberal Arts in Russia*. 2017. Vol. 6. No. 5. Pp. 394–399.

References

1. Didikin A. B. *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*. 2010. Vol. 4. No. 1. Pp. 149–165.
2. Kasatkin S. N. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2017. No. 37. Pp. 46–56.
3. Makarenko V. P. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2009. No. 6. Pp. 149–167.
4. Ogleznev V. V. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2012. No. 2. Pp. 147–153.
5. Ogleznev V. V. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2009. No. 4. Pp. 81–88.
6. Ogleznev V. V. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2014. No. 2. Pp. 161–169.
7. Austin D. *Tri sposoba prolit' chernila: filosofskie raboty [Three ways of spilling ink: philosophical works]*. Saint Petersburg: Aleteiya, 2006.
8. Pavlov A. V. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*. 2010. No. 2. Pp. 175–184.
9. Hart H. L. A. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2009. No. 4. Pp. 123–135.

Received 21.09.2017.

Revised 05.10.2017.